

О СТАТЬЕ МОТЕЮСА МИШКИНИСА РЕАЛИСТ-МЕТАФИЗИК

Маргарита Варлашина

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

В данной работе рассматриваются генетические корни статьи литовского критика М. Мишкиниса о творчестве Достоевского, опубликованной в 1931 г., и представлен анализ проблем, возникших при ее переводе на русский язык. Констатируется, что предпосылками к созданию статьи Мишкиниса являются книги о творчестве Достоевского, написанные Д. С. Мережковским и Н. А. Бердяевым. Именно книга Бердяева «Мирозерцание Достоевского» (1923) способствовала тому, что Мишкинис сфокусировал свое истолкование на важных для него вопросах о духовных и моральных ценностях, вере. Мишкинис разъясняет творчество Достоевского через призму религиозного и историко-политического взгляда. Произведенные Мишкинисом трансформационные операции с текстом Бердяева определяются как переделка и адаптация, ориентированная на ментальный уровень учащихся средней школы. Такая особенность статьи Мишкиниса как отдельные заимствования из книг упомянутых авторов определила стратегию ее перевода на русский язык. Поэтому дан анализ некоторых переводческих проблем. Также анализируется своеобразие пересказа Мишкинисом цитат из текста Достоевского как соответствующего его интерпретативному замыслу. На основе рассмотренных переводческих проблем делается вывод о том, что «всякий переводчик – интерпретатор» (Х.-Г. Гадамер).

Ключевые слова: Достоевский, Бердяев, Мережковский, понимание, интерпретация, адаптация, перевод.

Keywords: Dostoevsky, Berdyaev, Merezhkovsky, understanding, interpretation, adaptation, translation.

Многоликий труженик литовской культуры Мотеюс Мишкинис (1898–1974) наиболее известен как литературовед, педагог, редактор журнала, переводчик. Он обладал неординарным талантом критика и популяризатора литературы¹, что отразилось в многочисленных

статьях о творчестве литовских, русских и западноевропейских писателях (Mikelinskaitė 1990, VII–VIII).

¹ Самыми важными вехами творческой биографии Мотеюса Мишкиниса являются: сборник статей *Didžiųjų rašytojų siluetai* (*Силуэты великих писателей*) (1936), учебник *Lietuvių literatūra* (*Литовская*

литература) (1939), а также курсы русской литературы, прочитанные в Вильнюсском университете в 1941–1943 гг., переводы русской классики. Для литовского читателя он перевел произведения И. Бунина, Л. Толстого, А. Чехова, Н. Гоголя (почти все его произведения, не только *Мертвые души*) и других русских писателей. Переводческую деятельность увенчал роман Ф. М. Достоевского *Братья Карамазовы* (1960).

М. Мишкинис одним из первых в литовской культуре дал свое истолкование творчества Достоевского, достойное внимания и поныне. Однако эта интерпретация до сих пор является практически неисследованной, в научной литературе лишь упоминаемой (Masionienė, 1982, 51; Šlekys 2011, 468).

Статья Мишкиниса о творчестве Достоевского впервые была напечатана под названием „Dvasinis Dostojevskio pavidalas“ («Духовный облик Достоевского») в журнале для учащихся *Šviesos keliai (Путь света)* в 1931 году². Позже в книге *Didžiųjų rašytojų siluetai (Силуэты великих писателей)* (1936) статья была перепечатана под названием „Realistas metafizikas“³ («Реалист-метафизик»). Разница между этими двумя публикациями состоит, в основном, в отказе автора от имевшихся в первом варианте статьи сносок – кратких комментариев, частично на «злобу дня». Предлагаемый вниманию русскоязычного читателя перевод соответствует второй, более поздней, публикации статьи Мишкиниса.

Соответствует ли? – Вопрос, важный для перевода любого художественного текста (да и не только такового). Законы переводческого «действия» опираются на своеобразие задействованных в переводе языков. Язык же, как известно, укоренен в неповторимости духовного опыта народа носителя языка. А это значит, что один текст, переводимый оригинал, трансформируясь в другой текст и облекаясь в слова и выражения другого языка, языка *текста*

*прибытия*⁴, неизбежно преобразуется. Задача переводчика при этом – передать как можно более верное представление о том, что изложено в оригинале, сохранить его смысловую и содержательную исключительность и, по возможности, стилистическую неповторимость. Говоря кратко, это требование верности оригиналу.

Одной из самых важных задач, которые решались переводчиком литературно-критической работы Мишкиниса, была задача по сохранению своеобразия его интерпретации творчества Достоевского, адекватное воспроизведение на русский язык содержательных моментов статьи литовского автора. (Поэтому лингвистические аспекты перевода в данной статье остались несколько в стороне). В решении поставленных задач переводчик опирался, прежде всего, на труд Умберто Эко *Dire Quasi La Stessa Cosa: Esperienze di Traduzione* (2003) в его русскоязычной версии (Эко 2015), а также на работы других авторов, посвященных переводческому и интерпретационным проблемам (Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра). Извечную проблему переводчиков: что важнее при переводе – «дух» или «буква» (смысл или язык) оригинала? – в последнее время склонны решать в пользу текстового смысла. Однако, по убеждению Поля Рикёра, ее следует решать, учитывая и своеобразие языковых речений оригинала (Ricoeur 2010, 48–49). Переводчик статьи Мишкиниса стремился сочетать «дух и букву» оригинала в переводе так, как понятие *верности оригина-*

² № 4. С. 279-282, № 5. С. 338-342, № 6. С. 391-394, № 7. С. 454-458.

³ Далее в тексте – *RM*.

⁴ Термин, предложенный Умберто Эко (Эко 2015, 26).

лу сформулировано в вышеназванном труде итальянского литературоведа: «Перевод представляет собой одну из форм истолкования и, даже исходя из восприятия и культуры читателя [переведенного текста. – М.В.], он всегда должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести <...> *намерение текста*: то, что текст говорит или на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором он появился» (Эко 2015, 22).

Поэтому прежде всего необходимо вкратце охарактеризовать оригинал – статью Мишкиниса о творчестве Достоевского, так как ее своеобразие определило *стратегию* (вернее, *стратегию*) *перевода*.

Первое, что обращает на себя внимание при чтении текста Мишкиниса, – это все нарастающее осознание чего-то знакомого, прочитанного когда-то. При более внимательном взгляде удалось установить источники статьи Мишкиниса. В основном это *Миросозерцание Достоевского* (1923) Н. А. Бердяева⁵ и, отчасти, *Л. Толстой и Достоевский* (1900–1902) Д. С. Мережковского⁶. Из последней книги Мишкинис позаимствовал несколько цитат из писем, записных книжек и *Дневника писателя* Достоевского (ТД 113, 125). То, что Мишкинис брал цитаты из «вторых рук», наглядно доказывает компоновка цитат Достоевского в той версии, в какой она дана Мережковским⁷. Подчеркнем, что

именно Мережковский (а не Мишкинис) скомпоновал в одно целое фразы Достоевского из разных источников: из *Дневника писателя* – за март 1877 г. (ПСС 25, 90 и 91) и за март 1876 г. (ПСС 22, 91), и из письма Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. (ПСС 29 кн. 1, 19). При этом Мережковский цитирует Достоевского не совсем точно, опуская некоторые слова. Мишкинис при переводе этих цитат на литовский язык несколько переиначивает их и составляет другие знаки препинания. Но о том, какую стратегию избрал переводчик в подобных случаях, нередких у Мишкиниса, более подробно далее.

Книга Бердяева помогла Мишкинису оформить свое первоначальное впечатление от прочтения романов русского писателя в статью, сфокусировать свое истолкование на важных для него вопросах духовных и моральных ценностей, веры в Бога. Эти же вопросы на материале творчества Достоевского основательно рассматривались в книге Бердяева. Поэтому не удивительно, что в тексте литовского критика обнаруживаются следы и отголоски мыслей, прозрений, высказываний Бердяева – иногда явные, иногда скрытые. Хотя очевидно, что произошло изменение субстанции текста – книга трансформировалась в статью, произведенную Мишкинисом работу с текстом Бердяева охарактеризовать однозначно затруднительно.

Статья Мишкиниса не является изложением содержания книги Бердяева. Литовский критик проигнорировал совершенную в ней попытку всесторонне

⁵ Далее в тексте – МД.

⁶ Далее в тексте – ТД.

⁷ «Я ужасно люблю реализм в искусстве; реализм, так сказать, доходящий до фантастического». – «Для меня, что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности? Что может быть даже невероятнее иногда действительности?» – «То, что

большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного» (ТД 125).

и глубоко осмыслить «дух» творчества Достоевского. Из этой книги-стимула Мишкинис взял то, что соответствовало его миропониманию и восприятию творчества Достоевского: идею религиозную, высказанную в книге Бердяева эксплицитно, и не менее эксплицитно выраженную идею осовременивания творчества Достоевского. Свое прочтение русского писателя Мишкинис выстроил через призму двойного взгляда: религиозного и историко-политического. Произведенную им трансформацию текста Бердяева, по-видимому, можно определить как *переделку* и одновременно как *адаптацию*, ориентированную на ментальный уровень учащихся средней школы.

Труд Мишкиниса не является также интерлингвистическим переводом (переводом в собственном смысле слова) еще и потому, что непосредственно заимствованным из Бердяева является всего лишь одно предложение: «Революция – аморальна по своей природе, она становится по ту сторону добра и зла» (МД 98) („Revoliucija iš esmės amoralinė, ji atsistoja anapus gera ir bloga“) (RM 116). Немногим больше и прямых заимствований из Мережковского: помимо указанной самим Мишкинисом цитаты (RM 96; ТД 114), это высказывание, приписываемое Леонардо да Винчи (RM 97; ТД 113). Указанные случаи прямого заимствования целых предложений из книг Бердяева и Мережковского не оформлены в статье Мишкиниса кавычками, возможно, потому, что они не несут в себе самодовлеющей смысловой нагрузки, их функция, в основном – украшательство.

Однако позаимствованных у Бердяева отдельных выражений достаточно много, рассмотреть их все нет возможности.

Как особенно показательный приведем пример ошибочного цитирования текста Достоевского в рассматриваемой статье. Литовский критик (вслед за Бердяевым) пишет: «**какую-то** мировую гармонию» („**kažkokią** visuotinę harmoniją“) (RM 120). Это неопределенное местоимение «**какая-то**» в винительном падеже «какую-то» обнаруживается в тексте Бердяева в неточной цитате из *Братьев Карамазовых*: «Не для того же я страдал, чтобы собою <...> унавозить **какую-то** будущую гармонию» (МД 101). Тогда как у Достоевского использовано неопределенное местоимение «**кто-то**» в дательном падеже «кому-то»: «Не для того же я страдал, чтобы собой <...> унавозить **кому-то** будущую гармонию» (Достоевский 1976, 222)⁸.

Эту цитату из *Братьев Карамазовых* Мишкинис пересказывает так: «Разве затем я жил, чтобы своими страданиями купить **какую-то** мировую гармонию?» („Argi tam aš gyvenau, kad savo kančiomis pirktčiau **kažkokią** visuotinę harmoniją?“)⁹ (DRS 120). Литовский критик, возможно, переформулирует фразу Ивана Карамазова потому, что ранее он уже воспользовался образностью слова Достоевского: «Если человек <...> лишь „навоз для будущих по-

⁸ Далее в тексте – ЛСС с указанием тома и страницы.

⁹ Позже Мишкинис это предложение перевел соответственно тексту Достоевского: „Negi tam aš kentėjau, kad savimi <...> kažkam patėščiau būsimąją harmoniją“ (Dostojevskis 1986, 260).

колений“¹⁰, то тогда в с ё д о з в о л е н о <...>» („Jeigu žmogus tėra <...> ‘mėšlas ateinančioms kartoms’, tai tada v i s k a s l e i s t a <...>“) (RM 110) и даже усилил ее («навоз» вместо «унавозить»). Глагол «купить», привлеченный Мишкинисом для конструирования своего текста, также восходит к слову Достоевского, но уже в другой, следующей, фразе Ивана: «Если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети <...>» (ПСС 14, 222). Подобные случаи парафраз у Мишкиниса следует расценивать как его творческое решение адаптировать текст Достоевского для нужд собственной интерпретации. (В таких случаях переводчик стремился сохранить своеобразие выражений литовского критика, об этом подробно далее на примере некоторых конкретных проблемных мест перевода).

Эти (и другие) текстовые сопоставления позволили сделать вывод, что Мишкинис во многом ориентировался на текст Бердяева. Вывод, важный для переводчика в решении вопроса, какому эквиваленту отдать предпочтение при переводе, поскольку выбор того или иного слова неизбежно влияет на смысл переводимого текста и, в итоге, на его истолкование. Поэтому при передаче на русский язык очевидных заимствований ориентиром служил их источник – тексты Достоевского, Бердяева, Мережковского.

Например, в цитированном предложении Мишкиниса очевидно, что текст Достоевского переделывается, приспособляется, во-первых, к ментальности учащихся («купить» вместо «унавозить») и, во-вторых, к собствен-

ной интерпретации: «мировая гармония» („visuotinė harmonija“) (DRS 120) вместо эпитета Достоевского «вечная гармония» (ПСС 14, 222). Литовское слово „visuotinis“ можно перевести на русский язык по-разному – как «всеобщий», «поголовный», «всемирный», «мировой», «вселенский». (Выбор вариантного эквивалента зависит чаще всего от контекста.) При переводе этого словосочетания, которое Мишкинис вкладывает в уста Ивана Карамазова, могло быть использовано или слово Достоевского «всемирный», или слово Бердяева «мировой». Но у Достоевского Иван отвергает не гармонию «всемирную», а «будущую» (ПСС 14, 222), отказывается от «высшей гармонии» (ПСС 14, 223), то есть отказывается от религиозной идеи посмертной жизни – «вечной гармонии», по выражению Достоевского. Слово «всемирный» вложено в уста Алеши и увязано с теократией: «<...> для будущего всемирного земного царства, с императором – римским первосвященником во главе <...>» (ПСС 14, 237). В речи Ивана явственен мотив богоборчества (одновременно он и антицерковный), а в словах Алеши лишь частично отражается полный титул Папы Римского¹⁰. Между тем в статье Мишкиниса четко прослеживается связь рассматриваемого словосочетания с осуждаемым им «революционным социализмом» и «его притязанием на всеобщий переворот и желанием стать новой религией <...> без Бога» (RM 114). Такова, по Мишкинису, картина русского социализма, или, говоря

¹⁰ «<...> верховный понтифик вселенской церкви <...>, монарх государства-города Ватикан <...>» (Великович 1991, 212).

иначе, картина «всемирной» или «мировой» гармонии. Ни первого, ни второго определения слова «гармония» нет у Достоевского, но «мировая гармония» часто встречается в книге Бердяева (МД 100, 102, 103) и по своей сути совпадает с присутствующим в статье Мишкиниса смыслом данного словосочетания. Поэтому при переводе слова „visuotinis“ в словосочетании „visuotinė harmonija“ предпочтение было отдано вариантно-му эквиваленту «мировой», то есть слову Бердяева. (В других словосочетаниях слово „visuotinis“ переводилось как «всеобщий» и «всемирный».) Аналогично этому примеру поиск подходящего вариантного эквивалента происходил и в других случаях.

Однако не всегда, установив факт заимствования, легко решить проблему переводческого соответствия.

В статье Мишкиниса есть выражения, которые можно определить как двусмысленные, поскольку при их переводе возникает опасность привнесения в текст посторонних коннотаций и, как следствие, чуждых оригиналу истолкований. Например, предложенная критиком характеристика писателя: «Это особенный метод Достоевского, в силу которого мы можем назвать его реалистом-экспериментатором, „изобразителем“ экстатических¹¹ форм жизни» („Tai ypatingas Dostojevskio metodus, dėl kurio jį galime pavadinti realistu eksperimentatoriumi, eksstatinių gyvenimo formų „vaizduotoju.“) (RM 97). Двусмысленность связана со словом „eksstatinis“. Можно предположить, что данное утверждение Мишкиниса возникло

под влиянием следующих формулировок Бердяева: «экспериментатор человеческой природы» (МД 30) и «экстатическая стихия» (МД 43). Кажется, с оглядкой на текст Бердяева проблема перевода решается просто: «экстатический». У Бердяева это слово – прилагательное, производное от существительного «экстаз», таким образом, значение слова «экстатический» – выражающий экстаз (Ушаков 1940, 1410¹²; Пчелкина 1988, 589). (В литовском языке эквивалент прилагательных одинакового значения «экстатический» и «экстатичный» – „ekstaziškas“; Kardelytė 1985, 652.) Значение этих слов, соседствующих в книге Бердяева, ясно: Достоевский «весь <...> в экстазе и исступлении. И в этой исступленной экстатической стихии <...>» (МД 43). (Это как бы объясняет, почему Бердяев именует Достоевского «мистиком».) Однако в статье Мишкиниса слово „eksstatinis“ имеет другое значение, ни с «экстазом», ни с «мистикой» не связанное. В литовском тексте эту словоформу, по видимому, следует понимать как образованную при помощи приставки „eks“ («экс-»)¹³ и прилагательного „stātinis“ или „stātiškas“ (соответственно «статический» или «статичный») (Kardelytė 1985, 217), производного от существительного „stātika“ («статика»).

¹² Переводчик стремился выяснить значение некоторых слов, употребленных в книге Бердяева *Мирозерцание Достоевского* – в частности слов «экстатический» и «первородный» – в 20–30-е гг. прошлого века, то есть во время создания книги. Наиболее близким к тому времени является изданный в 1935–1940 гг. четырехтомный *Толковый словарь русского языка* под ред. Д. Н. Ушакова.

¹³ От лат. „ex“ – из, вне; первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «бывший».

¹¹ В данном случае первая часть слова «экстатический» дана в переводе как *перенос* буква в букву.

(Напомним, что значение слова «статика» следующее: состояние покоя или равновесия. То есть «статика» – противоположна «динамике», состоянию движения, ходу развития, изменению какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов.) Таким образом, слово „eksstatinis“ в литовском тексте имеет значение «утративший статичность» («динамический»). Такое значение соответствует утверждению Мишкиниса, что Достоевский «не изображал жизнь устоявшуюся, так называемой статичной формы» („nevaizdavo gyvenimo nusistojusioj, vadinamoj statiškoj formoj“) (RM 96). Поэтому в статье литовского критика подчеркивается «чередa беспрестанных событий» („nepalaujamų įvykių grandis“) (RM 98), то есть обилие движения, действия в романах Достоевского, хаотичность и катастрофичность его романного мира. Можно предположить, что понимание Мишкинисом динамичности художественного творчества писателя навеяно Бердяевым, утверждавшим, что «ничего статического нет у Достоевского» (МД 15). Таким образом, переводчику казалось, что предложенное Мишкинисом слово „eksstatinis“ можно было бы отождествить со словом «динамический» и воспользоваться им: в этом случае в переводе на русский язык был бы ясен смысл предложения. Но от такого решения переводчик отказался и отважился на перенос – перевести слово „eksstatinis“ как «эксстатический» или «эксстатичный», зная, что удвоенная буква «с» вызовет некоторое недоумение у русскоязычного читателя¹⁴.

¹⁴ Поскольку таких прилагательных в русском языковом обиходе нет, то удвоенная согласная «с» будет восприниматься как опечатка.

Однако и в литовском тексте прилагательное „eksstatinis“ также вызывает недоумение и воспринимается как авторский неологизм (в дальнейшем распространения не получивший¹⁵). Поэтому было принято решение сохранить этот элемент стилового своеобразия статьи Мишкиниса. Переводчик, желая избежать возникающей в русском языке путаницы со значением, и по аналогии правила употребления приставки «экс» в русском языке¹⁶, ввел дефис: «**экс-статический**» и «**экс-статичный**». Переводчик отдал предпочтение слову «**экс-статичный**», уповая на то, что оно будет воспринято русскоязычным читателем как «бывший статичным», то есть «утративший статичность»¹⁷.

Показателен и другой случай заимствования из книги Бердяева. Думается, что этот случай заимствования возник в тексте литовского критика под влиянием запавшей в память библейской словесной конструкции и бегло прочитанного текста русского философа. Мишкинис, разъясняя высказывание великого инквизитора о последствиях для человечества первого искушения Христа в пустыне, пишет: «<...> человек ради хлеба отказывается от своих «прав

¹⁵ Прилагательные „eksstatinis“ и „ekstatinis“ отсутствуют в словарях современного литовского языка. Однако в СМИ (в интернете) наблюдается частое использование варваризма „ekstatinis“ в значении «приводящий в экстаз».

¹⁶ Имеется в виду правило правописания с существительными, обозначающими преимущественно должности или звания, например, экс-чемпион.

¹⁷ Тем более что в настоящее время уже существует вариант употребления приставки «экс» с прилагательным «советский»: экс-советский. См.: *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*, под ред. В. В. Лопатина (2006), а также эл. ресурс.: <http://orthographia.ru>.

первородственного»¹⁸ („<...> žmogus dėl duonos atsisako savo ‘pirmagimio teisių‘“) (RM 112). Недоумение вызывает выражение „**pirmagimio teisės**“, которое дословно переводится как „**права первородственного**» (но может быть переведено и как «**права первородства**», что соответствует литовскому словосочетанию „**pirmagimystės teisės**“). Это выражение Мишкинис дает в кавычках. Последнее означает, что перед нами цитата. При первом прочтении статьи Мишкиниса представляется, что цитируется Библия, что речь идет о традиции первородства, «правом» которого охватывалась определенная, как бы избранная, часть людей. По этой традиции первый ребенок мужского пола имеет исключительное право на наследование имущества, титула и престола – в зависимости от принадлежности к определенному сословию. Об этой древней традиции, идущей со времен *Ветхого Завета*, известно из первой книги Библии *Бытие*. В ней повествуется о том, как Исав, не дорожа данным ему при рождении правом первенства, «продал первородство свое» брату-близнецу Иакову (*Быт* 25, 29–33), за что и многие столетия спустя порицается в *Новом Завете*, в *Послании к Евреям*. Поэтому можно предположить, что использованная Мишкинисом цитата о правах первородства является новозаветным фрагментом: Исав «за одну снедь отказался от **своего** [права. – М. В.] **первородства**» (*Евр* 12, 16). В синодальном русском переводе отсутствующее слово «**право**» присутствует в литовском переводе процитированных новозаветных строк (в виде множест-

венного числа – «продал свои **права первородства**»): „Ezavas, kurs del vieno valgio pardavė savo **pirmagimystės teises**“ (*Žyd* 12, 16)¹⁹. Однако у Достоевского речь идет не о первородстве как о праве на имущество, а совсем о другом – о свободе: в романе упоминается «тот дар свободы, с которым это несчастное существо [человек. – М. В.] рождается» (*ПСС* 14, 232). Этим утверждается очень важная для Достоевского мысль, что изначальный дар каждого человека (и человечества в целом) – это дар личной свободы, «свободы его совести» (*ПСС* 14, 232). В статье Мишкиниса при дальнейшем анализе вставной новеллы *Великий инквизитор* также акцентируется изначальный дар человека – «свобода совести и свобода выбора добра или зла» („sažinės laisvė ir laisvė pasirinkti gera ar bloga“) (RM 112). В тексте Мишкиниса речь идет о человеке вообще, о человечестве в целом. Таким образом, в статье литовского критика очевидна несогласованность двух идей: идеи избранности, высказанной в цитате о правах первородства, и идеи свободы совести, присущей каждому человеку от рождения. Эта интерпретативная несогласованность проясняется при обнаружении в книге Бердяева нескольких выражений со словом «первородство», например: «Такое принижение человека, такой отказ от своего первородства <...>» (*МД* 59). При углублении в рассуждения Бердяева выясняется смысл использованного им слова «первородство». Философ, разъясняя свое понимание свободы, пишет, что люди «должны

¹⁸ В данном случае перевод дословный.

¹⁹ Цитирую по: *Naujasis mūsų Viešpaties Jėzaus Kristaus Testamentas, vertė vyskupas Juozapas Skvireckas*. Kaunas: [s. n.], 1922, p. 544.

отречься от первородства человеческого духа, от его первородной свободы» (МД 54). Бердяеву свойственна самокоррекция – он высказывает свою мысль несколько раз, уточняя и расширяя ее: «Человек отрекается от своей духовной природы, от своего первородства, он предаёт свою свободу и бессмертие» (МД 85), «религия социализма <...> отрекается от духовного первородства человека» (МД 92). Смысл этих выражений Бердяева позволяет утверждать, что слово «первородство» употреблено философом не в своем основном значении (как старшинство по рождению среди братьев), то есть не в значении первородного сына с его правом на наследство, а в значении «изначальный», «первичный», «являющийся первым источником чего-нибудь» (Ушаков 1939, 89). Можно заключить, что в книге философа речь идет о религиозном понимании человека, об изначальности и первичности – «первородстве» – духовной природы человека, его «первородной свободе» (МД 54). (Именно об этом «даре свободы» говорит Достоевский устами великого инквизитора.) Поэтому использованную Мишкинисом цитату, с оглядкой на смысл вышеприведенных фраз у Бердяева, следует понимать как «первородное право», то есть изначальное, первичное право каждого человека на духовную свободу, свободу мысли, свободу совести. В результате переводчик в данном случае отказался от формальной эквивалентности, поэтому не воспользовался синодальным переводом Библии, а внес свою корректировку. Переводчик, не желая привнести в русский перевод статьи Мишкиниса нелепость буквально-

го перевода рассматриваемой цитаты, решился на выражение «первородное право». Это словосочетание стилистически тождественно бердяевскому выражению «первородная свобода» (МД 54), однако переводчик использовал инверсию «**право первородное**», желая одновременно и приблизить выражение к библейскому источнику (в его литовской версии), и сохранить стилистическое своеобразие текста Мишкиниса.

Следует заметить, что рассмотренные словосочетания, вызвавшие в процессе перевода недоумение, можно причислить к наиболее интересным случаям переводческой практики. Оба примера свидетельствуют о возможности негативного влияния языка оригинала (русского, то есть языка книги Бердяева) на язык перевода (литовский, то есть язык статьи Мишкиниса), или, говоря иначе, свидетельствуют о ловушках интерференции чужого языка.

Проанализированные примеры раскрывают характер заимствования Мишкинисом отдельных выражений из книги Бердяева. Однако произведенные критиком манипуляции с текстом философа в основном сводятся не к заимствованию того или иного выражения, а к приобщению к мысли, рассуждениям Бердяева. Это не дословное их повторение, а освоение их смыслового ядра и творческая переработка. Такое творческое освоение выявить труднее, но переводчик стремился обнаружить заимствования такого рода и, по возможности, восстановить их первоначальный русскоязычный облик.

Такая же переводческая стратегия восстановления облика оригинального текста была использована и при перево-

де с литовского на русский язык цитат из произведений и записных книжек Достоевского, достаточно часто цитируемых в статье Мишкиниса. Тут, сравнительно с текстом Бердяева, возникли затруднения иного свойства.

Основное препятствие при восстановлении цитат из Достоевского связано с тем, что Мишкинис чаще всего цитирует неточно, словно приспособлявая текст русского писателя для своих интерпретативных задач. Такое свободное цитирование иногда оформляется кавычками, иногда не оформляется. А еще литовский критик иногда цитирует текст Достоевского точно, однако без кавычек. Следует отметить, что в таких случаях Мишкинис как бы следует за Мережковским, позволявшим «себе с текстами исследуемых авторов много вольностей: от цитирования без изменения текста, но и без кавычек, до изменения авторского текста внутри кавычек» (Ермолаев 1995, 564). В случае незакавыченных цитат Мишкинис часто использует многоточие как знак разрыва в воспроизводимой им цитате, а не как знак прерванности собственной мысли, как следовало бы ожидать. Разрыв цитаты вставками-репликами литовского критика также не оформляется (по современным правилам их следовало бы оформить знаками тире по обеим сторонам реплики). Эти особенности цитирования усугубляют разговорный тон статьи Мишкиниса. Более того, все перечисленные отсутствующие графемы (кавычки, многоточия, тире) в подобных случаях можно отнести к интерпретативному уровню. К этому же уровню примыкает и частое использование в статье Мишкиниса разрядки,

которой оформляются важные или ключевые, по-видимому, с точки зрения ее автора, слова, выражающие идеи. Переводчик решил сохранить своеобразие графического оформления статьи Мишкиниса, созданной более восьмидесяти лет тому назад, и не модернизировать ее облика. Исключения составляют названия значительных исторических эпох и событий, воспроизведение которых в переводе дано в соответствии с современными требованиями их оформления с прописной буквы (Ренессанс, Великая французская революция).

Наиболее примечательным примером свободного цитирования (а по сути – переформулировки, оформленной кавычками) в тексте Мишкиниса является следующая перефразировка слов Раскольникова: «Сломать все, одним подвигом, да и только, а страдание взять на себя. Свободу и власть всей твари дрожащей и всему муравейнику...» („Sulaužyti viską, vienu žygiu, ir tiek, o kentėjimą pasiimti sau. Laisvę ir valdžią visiems drebantiems sutvėrimams ir visam skruzdėlynui...“) (RM 107). Для сравнения следует предъявить собственный текст Достоевского, в котором Раскольников говорит Соне нечто иное: «Сломать что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! <...> Свобода и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!» (ЛСС 6, 253). При сравнении видно, что Мишкинис первую часть цитаты воспроизводит неточно, не соблюдая верности оригиналу, а вторую часть переделывает, искажая ее смысл. В тексте Достоевского, исходя из завершающей, второй, части фразы Раскольникова, этого героя можно опре-

делить как сверхчеловека, единолично стремящегося к власти над всем человечеством («муравейником») и, соответственно, к свободе только для себя. В черновиках к роману Достоевский ясно высказал эту идею сверхчеловека, жаждущего «владычествовать»: «Его [Раскольникова. – М.В.] идея: взять во власть это общество. Деспотизм его черта» (*ПСС* 7, 155). Однако в окончательной редакции романа Достоевский дал образ Раскольникова расплывчатым, допускающим возможность альтернативных интерпретаций, то есть не столь однозначным в сравнении с черновиками. В статье Мишкиниса образ Раскольникова обретает другой облик, который можно условно назвать «все(х) человеком», ибо он жаждет свободы для всех. Происходит как бы подмена сущности Раскольникова, он превращается из человека низменных эгоистических побуждений в человека (якобы) высоких альтруистических мотивов. (Но в дальнейшем Мишкинис развенчивает порочность любви к человеку и человечеству, основанной на насилии.) Эта трансформация внутренней сути героя происходит при замене всего лишь двух падежных форм в цитате, переведенной Мишкинисом с русского на литовский язык. Во-первых, Мишкинис вместо именительного падежа в словосочетании «свобода и власть» (*ПСС* 6, 253) употребляет винительный падеж «свободу и власть» („laisvę ir valdžią“) (*RM* 107)). Во-вторых, творительный падеж в предложении «Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!» (*ПСС* 6, 253) заменяется дательным падежом: «всей твари дрожащей и всему муравейнику...» („visiems drebantiams

sutvėrimams ir visam skruzdėlynui...“) (*RM* 107). Использование этих грамматических конструкций позволило Мишкинису адаптировать цитату для своего разъяснения образа Раскольникова и порождения нового смысла в истолковании этого персонажа. В интерпретации Мишкиниса Раскольников выступает как прообраз инквизитора – «социалиста» (*МД* 133)²⁰, вождя масс и сверхчеловека.

Другие случаи неточного (свободного, адаптированного) цитирования в статье Мишкиниса менее ярки. При их переводе на русский язык учитывалось, что русскоязычный читатель является не только носителем русского языка, но и представителем своей родной культуры. Горизонт ожиданий такого читателя, предположительно, знатока творчества Достоевского, связан с подлинными формулировками писателя. Однако в некоторых случаях при точном воспроизведении цитат Достоевского пропадает интерпретативное своеобразие литературно-критической статьи Мишкиниса, а также ее разговорный стиль и некоторая небрежность по отношению к оригиналу, возможно, в те времена свойственная публикациям такого рода.

Поэтому цитаты из Достоевского, свободно пересказанные Мишкинисом, переводились на русский язык компромиссным способом. Переводчик стремился сохранить узнаваемость слова Достоевского и вместе с тем – своеобразие интерпретации литовского критика. Например, фразу инквизитора о том, что

²⁰ В первоначальном (журнальном) варианте статьи Мишкиниса в сносках было упоминание о том, что «...инквизитор <...> социалист...» („...inkvizitorius <...> socialistas...“) (Miškinis 1931, 392).

«<...> свободный ум <и наука> заведут их [бунтовщиков. – М. В] в такие дебри и поставят перед такими чудами <...>» (ПСС 14, 235) Мишкинис пересказывает так: „<...> laisvas protas «nuves juos į tokius šunkelius ir pastatys prieš tokius stebuklus» <...>“ (RM 112). Слово «**дебри**» в этом предложении Достоевского следует воспринимать не в прямом значении как «непроходимую чашу, чашобу», а как метафору, как символ бремени выбора между добром и злом. Смысл символа «**дебри**» концентрирует в себе возникающую порой трудность, сложность избрания надлежащего решения в вопросах морали – человек может запутаться в выборе между добром и злом, принять одно за другое, пройти долгий путь блуждания в дебрях неистинности, как в лабиринте. Мишкинис же, цитируя Достоевского, снимает символическую многозначность этого слова и дает прямое разъяснение мысли Достоевского как выбора «ложного пути». Поэтому в данном случае переводчик сохранил своеобразие передачи Мишкинисом этой цитаты: «<...> свободный ум поведет их такими ложными путями и поставит перед такими чудами <...>». В некоторых других цитатах Достоевского оставлены употребленные Мишкинисом иностранные слова («санкция» и «конвульсия», RM 116, 117 вместо «право на бесчестие» и «судорога», ПСС 10, 300; 323) как свидетельство пристрастия литовского критика к их употреблению, или, возможно, как его дань веяниям того времени. Однако в случаях, когда неточное цитирование в статье Мишкиниса не несет в себе порождения нового смысла, а также когда оно не свидетельствует о своеобразии

эпохи создания литовской статьи, цитата Достоевского воспроизводится в ее истинном виде.

Таким образом, в предлагаемом переводе соответствие между подлинными фразами Достоевского и их переводом с литовского языка на русский не является абсолютным. И это замечание является основополагающим для данного перевода: переводчик не стремился улучшить русскоязычную версию статьи Мишкиниса. Однако использование собственного слова Достоевского создало в переводе текста Мишкиниса эффект его улучшения ввиду обретения им большего стиливого многообразия. (Этому же эффекту способствовала и богатая синонимия русского языка).

В итоге неизменно возникает вопрос о соответствии перевода оригиналу. Ханс-Георг Гадамер, проясняя этот вопрос, утверждал: «Переводчик, взвешивая и выбирая, ищет наилучшее решение, которое во всех случаях может быть лишь компромиссным <...>, это еще не значит, что воспроизведение удалось» (Гадамер 1988, 450). Вопрос о соответствии перевода оригиналу всегда остается открытым, поскольку способов перевода почти всегда больше одного. Таким образом, действительно, каждый переводчик всегда является интерпретатором, задающим читателю определенный ракурс понимания текста, или, говоря иначе, «всякий перевод уже является истолкованием <...>, всякий переводчик – интерпретатор» (Гадамер 1988, 447, 450). Поэтому переводчику статьи Мишкиниса остается лишь тешить себя надеждой, что его интерес к творчеству Достоевского, причастность к смыслам задействованных

при переводе текстов способствовали обретению соответствующего языково-го выражения переводимого им оригинала. И что предложенный им перевод

сможет приобщить читателя к социокультурному содержанию эпохи первой трети прошлого века, ко времени создания статьи литовского критика.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев, Н. А. 1994. Миросозерцание Достоевского. *Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т.* Москва: Искусство. Т. 2. 7–150.

Великович, Л. Н., под ред. 1991. *Католицизм: словарь.* Москва: Политиздат.

Гадамер, Х.-Г. 1988. *Истина и метод*, пер. с нем. Б.Н. Бессонова. Москва: Прогресс.

Ермолаев, М. 1995. Загадки Мережковского. *Мережковский, Д. С. Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники.* Москва: Республика. 561–567.

Достоевский, Ф. М. 1973. Преступление и наказание. *Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти т.* Ленинград: Наука. Т. 6.

Достоевский, Ф. М. 1973. Преступление и наказание. Рукописные редакции. *Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти т.* Ленинград: Наука. Т. 7.

Достоевский, Ф. М. 1976. Братья Карамазовы. *Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти т.* Ленинград: Наука. Т. 14.

Мережковский Д. С. 1995. *Л. Толстой и Достоевский. Мережковский, Д. С. Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники.* Москва: Республика. 5–350.

Пчелкина, В. В., зав. ред. 1988. *Словарь иностранных слов.* 16-е изд. Москва: Русский язык.

Ушаков, Д. Н., под ред. 1939; 1940. *Толковый словарь русского языка.* Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Т. 3; Т. 4.

Эко, У. 2015. *Сказать почти то же самое: Опыты о переводе*, пер. А. Коваля. Москва: АСТ.

Dostojevskis, F. 1986. *Broliai Karamazovai, iš rusų kalbos vertė M. Miškinis.* Vilnius: Vaga. T. 1.

Kardelytė, J., 1985. *Русско-литовский словарь в 4-х т.*, сост. J. Kardelytė, Ch. Lemchenas, J. Macaitis, A. Mankevičienė. Vilnius: Mokslas. T. 4.

Masionienė, B. 1982. Dostojevskis lietuvių kritikoje. *Masionienė, B. Literatūrinių ryšių pėdsakais.* Vilnius: Vaga. 35–64.

Mikelinskaitė, P. 1990. Motiejaus Miškinio bibliografija. *Miškinis, M. Lietuvių literatūra.* 2-oji laida. Kaunas: Šviesa.

Miškinis, M. 1931. Dvasinis Dostojevskio pavidalas. *Šviesos keliai* 7. 454–458.

Miškinis, M. 1936. Realistas metafizikas. *Miškinis, M. Didžiųjų rašytojų siluetai.* Kaunas: Spaudos fondas. 95–122.

Ricœur, P. 2010. *Apie vertimą*, iš prancūzų kalbos vertė P. Garbačiauskas. Vilnius: Aidai.

Šlekys, J. 2011. Motiejus Miškinis – literatūros istorikas ir kritikas. *Lituanistika.* T. 57. 4(86). 463–471.

REFERENCES

Berdyayev, N. A. 1994. Mirosozercanie Dostoevskogo. [The Worldview of Dostoevsky] *Berdyayev, N. A. Filosofija tvorchestva, kultura i iskusstva: v 2 t.* [The Philosophy of Creativity, Cultures and Arts: in 2 vol.]. Moscow: Iskusstvo. Vol. 2. 7–150.

Dostoevsky, F. M. 1973. Prestuplenije i nakazanije. [Crime and Punishment]. *Dostoevsky,*

F.M. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. [Complete Works in 30 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 6.

Dostoevsky, F. M. 1973. Prestuplenije i nakazanije. Rukopisnyje redakcii. [Crime and Punishment. The Manuscripts Versions]. *Dostoevsky, F. M. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.* [Complete Works in 30 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 7.

Dostoevsky, F. M. 1976. Bratja Karamazovy.

[The Brothers Karamazov]. *Dostoevsky, F. M. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.* [Complete Works in 30 vol.]. Leningrad: Nauka. Vol. 14.

Dostojevskis, F. 1986. *Broliai Karamazovai*, iš rusų kalbos vertė M. Miškinis. T. 1. [The Brothers Karamazov, transl. by M. Mishkinis]. Vilnius: Vaga. Vol. 1.

Eko, U. 2015. *Skazat pochni to zhe samoe: Opyty o perevode*. [Saying Almost the Same Thing: Experiences in Translation]. Moscow: AST.

Yermolaev, M. 1995. Zagadki Merezhkovskogo. [The Riddles of Merezhkovsky]. *Merezhkovskij, D. S. L. Tolstoj i Dostoevskij. Vechnyje sputniki*. [L. Tolstoy and Dostoevsky. The Eternal Companions]. Moscow: Respublika.

Gadamer, H.-G. 1988. *Istina i metod*. [Truth and Method]. Moscow: Progress.

Kardelytė, J., 1985. *Rusko-litovskij slovar v 4 t.*, sost. J. Kardelytė, Ch. Lemchenas, J. Macaitis, A. Mankevičienė. [Dictionary of Russian-Lithuanian Languages: in 4 vol., comp. by J. Kardelyte, Ch. Lemchenas, J. Macaitis, A. Mankevichiene]. Vilnius: Mokslas. Vol. 4.

Masionienė, B. 1982. Dostojevskis lietuvių kritikoje. [Dostoevsky in Lithuanian Critical Literature]. *Masionienė, B. Literatūrinų ryšių pėdsakais*. [The Traces of Literary communications]. Vilnius: Vaga. 35–64.

Merezhkovskij, D. S. 1995. L. Tolstoj i Dostoevskij. [L. Tolstoy and Dostoevsky]. *Merezhkovskij, D. S. L. Tolstoj i Dostoevskij*.

Vechnyje sputniki. [L. Tolstoy and Dostoevsky. The Eternal Companions]. Moscow: Respublika.

Mikelinskaitė, P. 1990. Motiejus Miškinio bibliografija. [The Bibliography of Motiejus Mishkinis Work]. *Miškinis, M. Lietuvių literatūra*. 2-nd ed. [Lithuanian Literature]. Kaunas: Šviesa.

Miškinis, M. 1931. Dvasinis Dostojevskio pavidalas. [The Spiritual Portrait of Dostoevsky]. *Šviesos keliai* 7. 454–458.

Miškinis, M. 1936. Realistas metafizikas. [Realist metaphysician]. *Miškinis, M. Didžiųjų rašytojų siluetai*. [The Silhouettes of Greatest Writers]. Kaunas: Spaudos fondas. 95–122.

Pchelkina, V. V., head redactor. 1988. *Slovar inostrannyh slov*. 16 izd. [The Dictionary of Foreign Words and Terms, 16-th ed.]. Moscow: Russkij jazyk.

Ricœur, P. 2010. *Apie vertimą*. [On Translation]. Vilnius: Aidai.

Šlekys, J. 2011. Motiejus Miškinis – literatūros istorikas ir kritikas. [Motiejus Mishkinis – the Historian and Critic of Literature]. *Lituanistika*. Vol. 57. 4(86). 463–471.

Ushakov, D. N., head redactor. 1939. 1940. *Tolkovij slovar russkogo jazyka*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Gosudarstvennoje izdatelstvo inostrannyh i nacionalnyh slovarej. Vol. 3; Vol. 4.

Velikovich, L. N., head redactor. 1991. *Katolicizm: slovar*. [Catholicism: Dictionary]. Moscow: Politizdat.

ON MOTIEJUS MIŠKINIS' ARTICLE *REALIST METAPHYSICIAN*

Margarita Varlašina

S u m m a r y

The article discusses the genesis of *Realist metaphysician* (1931) by Motiejus Miškinis (Motiejus Mishkinis) and analyses the problems in translating Miškinis' text into Russian language. It is stated that the combination of personal peculiarity and divergence (matters intrinsic to the self and matters foreign) is inherent to the Lithuanian critic's submitted interpretation of Dostoevsky's works. It is argued that the interpretation of Miškinis is essentially influenced by the Russian philosopher's Nikolai Berdyaev's book *The Worldview of Dostoevsky* (1923): the Lithuanian critic acquired

ideas that matched his own creative understanding of the great Russian writer from this treatise. Miškinis analyses Dostoevsky's works through a (1) religious and (2) historical-political prism. The transformation of Berdyaev's text by Miškinis is described as an adaptation (transformation and exploitation) for pupils – the purposive recipients of that time.

The article discusses issues of translating Miškinis' text into Russian associated with its characteristic feature – loanwords. The cases of Miškinis' appropriation of two Berdyaev's words (экстатич-

ческий, первоуродство) are investigated in detail and disseminated. Also examined in the article are Miškinis' originality in interpreting Dostoyevsky's quotes (paraphrasing) and their adaptation to the au-

thor's conception. Analysis of translation as an act of ownership (one making the material its own) confirms Hans-Georg Gadamer's idea that "every translator is an interpreter".

APIE MOTIEJAUS MIŠKINIO STRAIPSNĮ „REALISTAS METAFIZIKAS“

Margarita Varlašina

S a n t r a u k a

Straipsnyje aptariama Motiejaus Miškinio teksto „Realistas metafizikas“ (1931) genezė; analizuojamos su vertimu į rusų kalbą susijusios problemos. Konstatuojama, kad lietuvių kritiko pateiktai Dostojevskio kūrybos interpretacijai būdinga savasties ir svetimybės (savo ir svetimo) samplaika. Teigiama, kad Miškinio interpretacijai esminės įtakos turėjo rusų filosofo Nikolajaus Berdiajevo knyga *Dostojevskio pasaulėvaizdis* (1923): šiame veikalė lietuvių kritikas rado idėjas, atitikusias jo paties didžiojo rusų rašytojo kūrybos supratimą. Miškinis į Dostojevskio kūrybą žvelgia per (1) religinę ir (2) istorinę politinę prizmę. Miškinio atlikta Berdiajevo teksto transforma-

cija apibūdinama kaip *adaptacija* (perkeitimas ir pritaikymas), skirta moksleivijai, tuometiniam adresatui.

Straipsnyje aptariamas kai kurios Miškinio teksto vertimo į rusų kalbą problemos, susijusios su jam būdingu bruožu – skoliniais. Detaliai analizuojami Miškinio savinimosi dviejų Berdiajevo žodžių (экстатический, первоуродство) atvejai, pateikiama jų vertimo sklaida. Taip pat aptariamas Dostojevskio citatų pateikimo Miškinio interpretacijoje savitumas (perfrazavimas), jų pritaikymas siūlomai interpretacijai. Vertimo kaip savinimosi („darymo savu“) analizė patvirtina Hanso-Georgo Gadamerio mintį, kad „kiekvienas vertėjas yra interpretatorius“.

Получено: 2016, сентябрь

Принято: 2016, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: margarita.varlashina@mail.ru